

— Алло? Годжо? Ты почему замолчал? Только не говорите мне, что вы бросились в погоню! Слушай сюда: даже если обнаружите ублюдков из Ассоциации Времени, оставайтесь на месте. Ваша задача — охранять Рико Аманай, а с остальным разберутся Нанами и его группа...

Голос Яги в трубке становился всё более встревоженным, а сам он на том конце провода хмурился всё сильнее.

Годжо Сатору набрал директора первым, чтобы сообщить, что заметил в океанариуме разыскиваемого мага. Разумеется, Яга поначалу хотел устроить ему нагоняй за то, что они вместо выполнения миссии по охране потащили Сосуд развлекаться, но, зная характер этой парочки, счёл расспросы бесполезными и сразу перешёл к делу, выпрашивая приметы цели.

Однако с того момента из трубки не доносилось ни звука. Нехорошее предчувствие холодной змейкой шевельнулось в груди директора.

— Эй, Годжо, ты меня слышишь? Не смей своевольничать!..

— Да-да, понял, учитель Яга. Ну, бывай! — легкомысленно бросил Годжо Сатору и нажал отбой.

Он продолжал прижимать Кэндзяку к полу, не сводя пристального взгляда Шести Глаз с застывшего перед ним юноши.

Странное дело: стоило ему увидеть этого паренька, как внутри заворчалось смутное узнавание. В голове даже промелькнула дурацкая, совершенно неуместная мысль: «Надо же, как он осунулся...» Словно они были знакомы давным-давно.

Годжо Сатору редко обращал внимание на людей — его мир состоял из проклятий и магов Технической школы магии. Сугуру остался позади, присматривая за девочками. Жаль, а то стоило бы спросить его — у Сугуру память на лица куда лучше.

Харе тоже замер, не в силах отвести глаз. Без тёмных очков пронзительная синева Шести глаз казалась невыносимо близкой. Ресницы юноши дрогнули, глаза быстро налились слезами.

Так близко.

«Сейчас папа Годжо совсем рядом...»

Пережив слишком много их смертей в разных временных петлях, Харе уже давно не осмеливался подходить к ним. Он отчаянно пытался стереть из памяти их лица, надеясь, что так ему будет легче, когда придёт время уничтожить все эти миры.

Но сейчас, когда их разделял лишь тонкий барьер, сердце предательски сжалось от щемящей тоски. Кэндзяку был прав: Харе безумно, до боли скучал по ним.

Заметив странную реакцию подростка, Годжо Сатору нахмурился. Чувство дежавю усилилось.

— Слышь, малец, мы раньше нигде не...

Стоило Годжо Сатору заговорить, как юноша вздрогнул, словно от удара, и испуганно отпрянул.

В то же мгновение у его ног вспыхнула багровая печать. Яркий всполох поглотил его фигуру, и барьер начал стремительно осыпаться искрами.

Обессиленное тело Харе исчезло в пространственной складке.

— Сбежал? — Годжо Сатору разочарованно опустил взгляд на прижатого к полу Кэндзяку.

Знакомое ощущение от этой техники перемещения оставило во рту горьковатый привкус. Он точно сталкивался с этим раньше.

Пока сильнейший шаман предавался размышлениям, Кэндзяку, мысленно проклиная всё на свете, лихорадочно соображал. В его голове созрел дерзкий план.

Харе совершил глупость. Вместо того чтобы сразу бросить его и бежать, мальчишка замешкался, подпустив Годжо слишком близко. В итоге ему пришлось использовать экстренную технику пространственного перемещения.

Кэндзяку прекрасно знал этот символ в виде багровой шестерёнки. Харе тратил на него колоссальное количество проклятой энергии. Пусть это был перенос на короткое расстояние, парень явно истощил свои резервы и теперь не сможет сразу открыть проход в другой мир. Значит, он застрял здесь на какое-то время.

Если скормить шаманам нужные крупы правды, выставив Харе опасным врагом, они сами объявят на него охоту. Верхушка магов приговорит мальчишку к казни, а Кэндзяку останется лишь прибрать к рукам его труп. Прикрываясь телом Харе, он сможет путешествовать сквозь миры и наконец исполнить свой замысел.

Кэндзяку заставил себя улыбнуться, стараясь говорить как можно непринуждённое:

— Тебе ведь интересно, кто он? Я знаю о нём абсолютно всё. Если гарантируешь мне жизнь, я выложу всё: его планы, его силу и... кем он тебе приходится.

Он сделал ставку на любопытство сильнейшего.

— Ха-ха! Ты что, серьёзно пытаешься выторговать пощаду? — Годжо Сатору наклонил голову, глядя на него сверху вниз.

В глубине его бездонных лазурных глаз заплясали ледяные иглы. Он оскалился в хищной усмешке и посильнее надавил коленом на грудную клетку пленника.

— Не угадал. Такие дешёвые трюки со мной не работают.

Раздался глухой удар — Годжо Сатору без лишних разговоров отправил Кэндзяку в глубокий нокаут.

Вместо того чтобы слушать чужое враньё, Годжо предпочитал доверять собственным глазам. Впрочем, этого типа он в любом случае собирался утащить в подвалы Технической школы магии для детального допроса.

Вскоре подоспел Сугуру вместе с Аманай и Куросаки. Время поджимало, и, посоветовавшись, они решили немедленно возвращаться в Токио под покровом ночи.

Прибрежный отель

В полумраке гостиничного номера Рёмэн Сукуна ждал ответа.

Его взгляд, непривычно тяжёлый и сосредоточенный, лишал Харе всякой возможности уйти от разговора. Король Проклятий не кривлялся и не угрожал — и именно эта серьёзность пугала сильнее всего.

— Прости, — после долгой паузы тихо выдохнул Харе, качнув головой. — Пока я не закончу то, ради чего пришёл, я не могу думать о подобном.

Он не принадлежал себе. С того самого дня, как он решил переписать историю и спасти родителей, его собственная жизнь больше ничего не стоила. Он не собирался выживать.

На лице Сукуны отразилось искреннее недоумение. Он явно не понимал, как его притязания могут мешать планам мальчишки. Напротив, с его силой за плечами любое дело пошло бы куда быстрее.

Для Короля Проклятий это прозвучало как глупая, неумелая отговорка.

«Этот несносный малец совершенно не умеет врать. Всё его смятение застыло в этих глазах. Он боится ранить меня сейчас, но ещё больше боится, что потом мне будет только больнее».

Сукуна шумно выдохнул, чувствуя, как внутри ворочается непривычное, почти болезненное тепло от этой глупой, трогательной заботы.

— Ты злишься? — шёпотом спросил Харе, покрепче сжав пальцами простыню за спиной.

— Хмель выветривается, — лениво отозвался проклятый дух, скрестив руки на груди.

Конечно, он был зол. Но отступать из-за какого-то детского отказа Рёмэн Сукуна не собирался.

— Правда не злишься? — Харе робко приподнял голову, вглядываясь в его лицо.

Уголки губ Сукуны были привычно опущены, а лицо казалось отлитым из камня.

Поняв, что его слова прозвучали слишком резко, юноша поспешил объясниться:

— Даже если ты злишься, это ничего. Понимаешь, когда я только шёл сюда, я собирался убить тебя. Я и подумать не мог, что случайно поглощу твою силу. Ты казался мне невыносимым, да и сейчас твой характер оставляет желать лучшего, но когда я узнал тебя ближе...

Он путался в словах, его объяснения походили на лепет, и Сукуна, потеряв терпение, лишь тяжело вздохнул.

Одним резким движением он толкнул Харе в плечо, опрокидывая его на кровать.

— Эй! — вскрикнул юноша.

Матрас под ними мягко спружинил. Сукуна хищно оскалился, и его тело стремительно вернуло свой истинный облик — огромный, четырёхрукий, дышащий первобытной мощью.

Две тяжелые ладони намертво прижали запястья Харе к подушке над его головой.

— Ладно. Я честно пытался играть по твоим правилам и быть нежным, — раздался низкий, вибрирующий рокот, от которого у Харе побежали мурашки по коже. — Но раз ты упираешься, мы сыграем по-моему. Предупреждаю: я могу быть грубым. Так что... плакать разрешаю.

— Подожди!.. — попытался вырваться Харе, но четыре руки лишали его любого пространства для маневра.

— Кажется, у вас это называется «забрать силой»? Что ж, вполне в моем вкусе. Я начинаю, малец.

Горячие пальцы без церемоний скользнули по бёдрам, стягивая пляжные шорты.

Харе залился краской до самых кончиков ушей, дыхание перехватило. В Хэйан-кё Сукуна уже мыл его в источнике, но тогда Харе был слеп! Он не мог видеть этого жадного, лихорадочного блеска в четырёх глазах. К тому же сейчас проклятие оставалось одетым, в то время как сам Харе лежал перед ним абсолютно нагим.

Сукуна прижался ближе, накрывая его губы своими, заглушая испуганный выдох. Его язык двигался медленно, тягуче, выпивая всю нервозность, заставляя плавиться от жара. Горячая ладонь очерчивала изгиб талии, оставляя на бледной коже алеющие следы.

— Хах... — довольно выдохнул проклятый дух, отстраняясь. Его губы и подбородок, исписанные тёмными знаками, влажно блестели в полумраке комнаты.

Харе судорожно подогнул колени, пытаясь прикрыться, но это лишь сильнее распалило Сукуну. Одежда Короля Проклятий полетела на пол клочьями.

— Ты порвал шорты... Они были новыми, — прошептал Харе, переводя дыхание, но тут же осёкся, увидев, как тяжело вздымается широкая грудь проклятия над ним. Он упёрся ступнёй в грудь Сукуны, пытаясь удержать дистанцию.

Сукуна перехватил его лодыжку. В его взгляде читалось тёмное, непреклонное обещание.

— Мне... немного страшно, — тихо признался Харе. Его сердце колотилось так бешено, что заглушало все мысли. Он посмотрел прямо в алые глаза проклятия и едва слышно добавил: — Пожалуйста... полегче.

<http://bllate.org/book/19043/2005265>